

Национализацией вкладов банков в советское время занимались лица, далекие от литературы и библиофильства. При вскрытии сейфов, всякие бумажки, тетрадки, блокноты и т. п. сваливались в кучу и потом выметались из помещения. Правда, рукопись была в отличных кожаных переплетах, а кожа тогда ценилась и кто-нибудь из мелких служащих мог срезать переплеты, а бумага пошла на обертку продуктов на базаре. Кто этого не видел в годы революции? Если бы какой-нибудь книголюб или букинист натолкнулся где-нибудь на остатки рукописи, то целая или поврежденная рукопись "Братьев Карамазовых" была бы найдена, продана и обнародована впоследствии. Этого не произошло.

Я отвергаю и предположение, что А. В. Луначарский, зная, что в сейфах помимо архива Ф. М. и А. Г. Достоевских имелась отдельно лежавшая рукопись на имя Е. П. Достоевской, потребовал бы ее и до внесения в список архивных материалов взял себе для просмотра. Если бы это имело место, то рукопись уже давно была бы обнаружена в его личном архиве.

Мне не попадались сведения о том, кто, когда передал или продал Стефану Цвейгу упомянутые нами ранее части рукописи "Униженных и оскорбленных". Весьма вероятно, что в 1928 г., когда Цвейг был приглашен на столетний юбилей Льва Толстого в Москву советским правительством, ему подарили эти фрагменты романа Достоевского. Но может быть и не так.

Все, что мы здесь писали о судьбе наборной рукописи, единственного автографа "Братьев Карамазовых", ведет к печальному выводу, что этот творческий документ великого писателя утрачен навсегда.

А. Иванов